

УДК 811.161.1

ИДЕИ БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ В ИЗУЧЕНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.Ю. Чернышева

Аннотация

В работе рассматриваются идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ о коммуникативной деятельности человека, развиваемые также и в работах других современных ученых: понимание языка как средства передачи значений слов, поиск общего международного языка для описания и сравнения всех языков и культур, изучение живых языков и пр.

Интерес современного языковедения к межкультурной коммуникации, «питающейся» данными психологии, логики, религии, лингвистики (в первую очередь – грамматической семантики), теории информации, этики, эстетики, семиотики, физиологии, заставляет обратиться к истокам поиска универсалий человеческого общения и одновременно к тому, что отличает разные языки друг от друга.

Важную роль в создании этого нового направления гуманитарной науки сыграли идеи Бодуэна де Куртенэ.

Покажем «культурологически» значимые аспекты учения Бодуэна де Куртенэ и развитие их в современных исследованиях межкультурной коммуникации.

1. Понимание языка как средства для передачи значения

Бодуэн де Куртенэ много внимания уделял значению языковых единиц. Об этом свидетельствует, в частности, поставленная им проблема семасиологизации и морфологизации. Исследуя ее, ученый выделял три аспекта: фонетический, семасиологический и морфологический. С точки зрения Бодуэна де Куртенэ, все они психологичны и связаны между собой: каждый из психических элементов произносительной стороны языка ассоциируется или с морфологическими, или с семантическими (семасиологическими) представлениями языка. Бодуэн де Куртенэ показал: фонетические элементы морфемы ассоциируются с семантическими представлениями, что приводит к их семасиологизации, а фонетические элементы ассоциируются с представлениями структуры слова, что приводит к их морфологизации. Таким образом, с точки зрения Бодуэна де Куртенэ, реальные единицы языка наделены семантическим и грамматическим значением, будучи семасиологизированы или морфологизированы. Хотя, по его мнению, основной единицей, подвергающейся семасиологизации и морфологизации, является морфема, носителем значения может оказаться и фонема (см., например, [Бодуэн де Куртенэ 1963, 1: 360; 2: 163–165]).

Рассматривая синтаксис как морфологию второй степени, Бодуэн де Куртенэ подчеркивал и синтаксические различия, связанные с семасиологией, или синтактизацией семасиологических представлений. Из числа относящихся сюда явлений – в польском языке – он указывал на различия формы винительного падежа мужского рода, идентичной или с родительным падежом, или с именительным падежом, в зависимости от ассоциации представления данного слова с представлением одушевленности или неодушевленности. В русском же языке, как считал Бодуэн де Куртенэ, это разделение субстантивных представлений, или существительных, на ассоциирующиеся с представлением одушевленности и неодушевленности проведено, кроме того, в женском и среднем роде: «[я вижу] детей, цыплят..., жен, сестер, женщин, птиц, коров, свиней...; но окна, деревья, облака..., стены, печи, двери, улицы...» [там же, 2: 172].

Итак, Бодуэн де Куртенэ придавал такое важное значение семасиологизации и морфологизации потому, что они, как он полагал и доказывал, связаны со значением – с функциональной нагрузкой языковых единиц.

«Уважение» к значению приобретает особую актуальность в связи с существованием «лингвистики без значения». В ее формировании решающую роль сыграли «блумфилдианцы» и «постблумфилдианцы», которые заявляли, что значение лежит вне сферы научного исследования, что формы могут описываться без обращения к значению и что, наконец, важен не поиск семантики моделей предложений, закодированной в собственном языке, а их перевод в форму логических исчислений (см. [Вежбицкая 1999а: 3–10]).

2. Поиск «Рабочего инструмента при исследовании разных языков»

Признание современной наукой значения центром лингвистики и – параллельно этому – важность каких бы то ни было лингвистических «обобщений» (в частности для адекватного межкультурного понимания) привело к необходимости выработки наиболее приемлемого рабочего инструмента при исследовании разных языков. Это заставило по-новому взглянуть и на существующие международные языки, и на саму идею их дальнейшего совершенствования.

Некоторые интересные замечания на этот счет находим в трудах Бодуэна де Куртенэ.

«Существенным признаком «Казанской лингвистической школы»² является стремление к обобщениям, стремление, многими порицаемое и даже осмеиваемое, но тем не менее стремление, без которого немислима ни одна настоящая наука. [...] по мнению же многих историков и филологов старого закала, всякие обобщения мешают положительной науке, которая должна-де ограничиваться одною только регистрацией фактов» [Бодуэн де Куртенэ 1963, 2: 52].

«Рядом с языками «естественными» («натуральными») стали появляться языки «искусственные» в строгом смысле этого слова: языки научно обдуманые и созданные (конструированные), или «философские» (основанные на логической классификации человеческих идей или понятий и на обозначении отдельных классов и подразделений этих идей соответственными символами), или же просто «международные» (составленные по образцу существующих языков, но со значительными упрощениями и по принципу соответствия мира

звуковых символов миру ассоциированных с ними понятий и представлений)» [там же, 76].

«Если мы в самом деле желаем иметь язык всемирный, язык международный, язык легко усваиваемый разными слоями народонаселения, т. е. не только избранниками судьбы с большим запасом свободного времени, но тоже людьми беспрестанного труда, – мы должны прибегнуть к принципиальному требованию языка «искусственного», значительно упрощенного, основанного на признании однообразных формальных типов, без всяких «исключений» [там же, 149].

«Искусственные» языки могут в самом обширном смысле этого слова возникать для различных целей» [там же, 153].

Интересно отметить, что Бодуэн де Куртенэ, не считая себя состоящим «ни в фанатиках, ни даже в безусловных сторонниках какого бы то ни было искусственного международного языка», вместе с тем отдавал предпочтение языку Эсперанто, основанному на апостериористическом принципе, таком, при котором используется материал, доставляемый существующими языками, «для составления «искусственного» языка, являющегося только экстрактом из них и их упрощением» [там же, 153 и др.].

На основании высказываний Бодуэна де Куртенэ можно заключить, что он имел в виду (пусть даже подсознательно) создание не обязательно искусственного, но какого-то общего – международного языка.

Цели создания универсальных языков, действительно, могут быть разные. Одной из них явилось создание Естественного Семантического Метаязыка (ЕСМ), найденного в общем ядерном фонде естественных языков и вырезанного из них (см. [Вежицкая 1999а: 29–31]). Под общим ядерным фондом понимается независимый от того или иного конкретного языка метаязык, удобный для описания и сравнения всех языков и культур. Считается, что без такого метаязыка ученые были бы обречены на этноцентризм, поскольку они могли бы описывать другие языки и культуры только сквозь призму своего собственного языка.

Приоритетным достоинством ЕСМ, является, во-первых, то, что, в отличие от других искусственных языков, используемых для воспроизведения значения, Естественный Семантический Метаязык, как указывает А. Вежицкая, «может быть понят без дальнейших толкований (которые бы сделали необходимым использование какого-то другого метаязыка и так далее, *ad infinitum*) и, таким образом, дает твердую основу для подлинного разьяснения смысла» [там же, 30].

Во-вторых, то, что в основе создания Естественного Семантического Метаязыка лежит гипотеза о наличии врожденной языкоподобной концептуальной системы, которая позволяет сформулировать предложения с использованием «локальных представителей» универсальных семантических элементов в соответствии с универсальными синтаксическими правилами сочетания примитивов. Как показывает А. Вежицкая [там же, 38], такие предложения включают, например, следующие модели:

You did something bad	'Ты сделал нечто плохое'.
I know when it happened	'Я знаю, когда это случилось'.
I want to see this	'Я хочу это видеть'.

3. Русская ментальность и изучение живых языков

Ментальность представляет собой мировоззренческую структуру сознания, определяемую особенностями родного языка. Точнее, «ментальность есть мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов 1999: 81].

Специфика русской ментальности состоит в тождестве логического и лингвистического (единстве слова и понятия). А «логика понятий, данная в слове, способна расцветать красотой образов и образной емкостью символов – в тексте» [там же, 140]. Именно текст, считает В.В. Колесов, является для нас основной информацией (а не слово-миф).

На этом основании по состоянию классического текста (в частности – его функциональных стилей) мы можем судить об особенностях нашей ментальности.

Для понимания русской ментальности небезынтересны мысли Бодуэна де Куртенэ о соотношении мировоззрения и языка, а также о живых языках, поскольку именно живые языки отражают соответствующее их современному состоянию мировоззрение.

Бодуэн де Куртенэ соглашался с Гумбольдтом, что каждый язык – это своеобразное мировоззрение, дополняя это «метафорическим определением: «язык в самом обширном смысле является универсальным рефлексом духа на раздражения со стороны мира» [Бодуэн де Куртенэ 1963, 2: 71–72].

О признании Бодуэном де Куртенэ влияния мировоззрения на язык говорят и такие мысли этого ученого: «В языке, или речи человеческой, отражаются различные мировоззрения и настроения как отдельных индивидов, так и целых групп человеческих. [...] В каждом языке мы можем выделять и определять наслоения и пережитки различных мировоззрений, или следовавших друг за другом в порядке хронологическом, или же отражающих собою различные стороны явлений природы и общественной жизни (наслоения религиозные, метафизические, общественные, юридические, естественно-исторические и т. д.)» [там же, 79].

Признавая язык третьим знанием (наряду со знанием интуитивным и знанием научным), Бодуэн де Куртенэ подчеркивал, «что только незначительная частичка наличных особенностей и различий физического и общественного мира обозначается в данный момент в речи человеческой. В одном языке отражаются одни группы внеязыковых представлений, в другом – другие. То, что некогда обозначалось, лишается со временем своих языковых экспонентов; с другой стороны, особенности и различия, ранее вовсе не принимаемые в соображение, в более поздние эпохи развития того же языкового материала могут получить вполне определенные экспоненты (таково, например, различие формальной определенности и неопределенности существительных, свойственное нынче романскому языковому миру, но чуждое состоянию латинского языка)» [там же, 83].

В связи со сказанным интерес представляет и учение Бодуэна де Куртенэ о живых языках. Под изучением этих языков Бодуэн де Куртенэ подразумевал исследование «языков» всех слоев общества: язык «образованного» класса (ин-

теллигенции), язык простонародья, язык различных возрастов, язык студентов, язык странствующих торговцев, язык уличных мальчишек, язык хулиганов и т. д. [там же, 74].

Бодуэн де Куртенэ считал, что на изменение значений лексических единиц у разнообразных слоев общества оказывает влияние их мировоззрение. В послесловии к третьему изданию словаря Даля Бодуэн де Куртенэ писал: «[...] Вследствие происшедших глубоких потрясений совершились не только быстрые перемены в разных областях жизни и мировоззрении почти всех классов общества, но точно так же быстрые перемены в понимании значения некоторых слов. Если в обыкновенное, мирное время значение слов постоянно меняется и разнообразится, смотря по принадлежности индивидов не только к той или другой местности, но даже к тому или другому сословию, классу общества и даже «партии», – то тем необходимее далеко идущее изменение значений слов в только что пережитое и еще до сих пор переживаемое «революционное», «контрреволюционное» и вообще крайне анархическое время. У различных враждующих между собой «партий» одни и те же слова получают различные, иногда диаметрально противоположные значения и вызывают различное настроение [...]» (цит. по [Щерба 1957: 93]).

4. Признание факта влияния мировоззрения на значение лексических единиц

Признание учеными факта влияния мировоззрения на значение лексических единиц подвело современных исследователей к выдвиганию тезиса, гласящего, что различные способы говорения можно объяснить в терминах «культурных» ценностей («культурно-обусловленных сценариев»). Образец этих сценариев был показан в [Вежбицкая 1999б] при анализе английских разделительных вопросов с разной полярностью, вторая часть которых включает выражения типа **didn't she**. А. Вежбицкая выясняет значение подобных выражений путем сопоставления англо-американских и японских культурных норм. Согласно А. Вежбицкой, англо-американские культурные нормы приветствуют право каждого человека открыто выражать свое мнение, говорить то, что он думает и чувствует; японские нормы, напротив, поощряют открытое согласие, единодушие и психологическое единение. На Естественном Семантическом Метаязыке англо-американское культурное правило формулируется так: 'если кто-то говорит мне что-то вроде этого: «я думаю вот что», я могу сказать этому человеку что-то вроде этого: «я так не думаю»'; японское культурное правило звучит следующим образом: 'если кто-то говорит мне что-то о чем-то, я не могу сказать этому человеку что-то вроде: «я так не думаю»'.

Соответственно этому английские разделительные вопросы приглашают к согласию, но допускают и несогласие и имеют толкование:

- «(а) я знаю: вы можете сказать, что вы не сказали бы то же самое
- (б) я хочу, чтобы вы сказали, сказали ли бы то же самое
- (в) я думаю, вы сказали бы то же самое».

Японская частица **ne**, которую можно перевести на английский язык с помощью разделительных вопросов, напротив, выражает только призыв к согласию и имеет толкование:

«я думаю, вы бы сказали то же самое».

Чтобы понять, что представляет собой японский призыв к согласию, важно подчеркнуть, что для японской культуры характерны сценарии говорения, основанные на расхождении между тем, что человек говорит, и тем, что он думает и чувствует. Данные сценарии обусловлены, в частности, японскими культурными нормами самоотвращения и самоуничужения, согласно которым человек должен пренебрежительно отзываться о себе и своих родственниках, чтобы тем самым унизиться перед партнером по коммуникации. Унижаясь, японцы вместе с тем часто думают о себе очень хорошо, как это показывает Катаока в истории, называемой «Ужасный сын»:

«У Боба в семье около 6 месяцев жил приехавший по обмену японский студент Томио. [...] Он был в радость всей семье.

Однажды к ним в гости во время своей деловой поездки в США заехал отец Томио. Он поблагодарил родителей Боба за то, что они взяли на себя заботы о его сыне, «который невоспитан, эгоистичен и не может ничего сделать сам» [...].

На самом деле отец Томио не верит в то, о чем говорит. В глубине души он знает, что Томио – выдающийся молодой человек, и он очень гордится своим сыном» (цит. по [Вежбицкая 1999а: 665]).

На основании сказанного, полагаем, что японский призыв к согласию можно было бы интерпретировать только как требование вербального согласия, которое допускает наличие у соглашающегося собеседника мнения, не соответствующего мнению адресанта.

Вторая часть английских разделительных вопросов с разной полярностью часто переводятся на русский язык как **Не правда ли? Не так ли? Так ведь? Правда?**

В лингвистической литературе эти частицы относятся к сигналам членения или к сигналам речи, назначение которых – выразить реакцию слушающего на речь собеседника для установления с ним контакта.

Функционирование некоторых из этих частиц (с определенной натяжкой) можно было бы связать с двумя представлениями говорящего о мире [Чернышева 2000: 322–323].

Существуют два представления говорящего о мире: представление об идеализированном (нормативном) ходе развития событий и представление о реальном раскладе вещей. Представление об идеализированном мире включает оценку, который дает говорящий тому, что нужно человеку физически и духовно; тому, к чему человек стремится; тому, что он считает добром. Поэтому говорящий оценивает только позитивные явления, которые он квалифицирует как хорошие – соответствующие этой модели. Исходя из этого, можно заключить, что идеализированное (нормативное) развитие событий благоприятно и успешно, то есть изначально стремится к идеалу.

Другой особенностью идеализированного (нормативного) развития событий является то, что оно полностью предсказуемо и однозначно предопределяет наличие у ситуации тех или иных свойств и дальнейший ход ее развития. Предсказуемость идеализированного (нормативного) развития событий обуславливает описание положения дел (Р), вытекающего из представления о нормативном ходе вещей, с опорой на модальность долженствования.

Представление о реальном раскладе вещей – это представление о фактическом развитии событий, то есть о том, какого рода ситуации реализуются при наличествующем раскладе вещей и есть или нет в реальном мире условия для того, чтобы было Р. Реальный расклад вещей не является однозначно предопределенным, он только возможен как один из вариантов развития событий. Непредсказуемость реального расклада вещей дает основание описать версию Р, вытекающую из представления о фактическом развитии событий, с опорой на модальность возможности.

То или иное представление говорящего о мире предопределяет выбор языковых средств. В лингвистической литературе такой выбор был продемонстрирован на примере описания позитивных и негативных общевопросительных предложений (см. [Степанова 1995]).

Речевые сигналы – частицы типа **Не правда ли? Не так ли? Так ведь? Правда?** относительно двух представлений говорящего о мире ведут себя следующим образом. Частицы (с компонентом «не») **Не правда ли? Не так ли?** тяготеют к контекстам, в которых положение дел Р отражает реальный расклад вещей как один из вариантов развития событий, хотя и самый вероятный:

– Да, кстати, – сказал он в то время, когда она была уже в дверях, – завтра мы едем решительно? Не правда ли? – Вы, но не я, – сказала она, оборачиваясь к нему [Л. Толстой].

Частицы (без компонента «не») **Так ведь? Правда?** употребляются тогда, когда положение дел (Р) предсказано с опорой на имеющиеся в сознании говорящего представления об идеализированной норме развития событий:

Человек не должен быть один: Даша, если бы мне подарили все, что есть, – сказал Телегин, – всю землю, мне бы от этого не стало лучше, – ты понимаешь? – Даша кивнула головой. – Если я один, на что я сам себе, правда ведь?.. На что мне самого себя? [А. Толстой].

Достаточно часто (если представления говорящего о нормативном или реальном ходе развития событий слабо дифференцированы в контексте) частицы **Не правда ли? Не так ли? Так ведь? Правда?** легко заменяют друг друга, выражая общее приглашение к согласию:

– Как хорошо верхом на степной лошади скакать по степи. А? Не правда ли? – говорил он [Л. Толстой].

Надо думать, значение русских частиц, приглашающих к согласию, обусловлено культурными нормами.

Русские нормы общения основаны на православной культуре. Краеугольным камнем христианской морали является любовь к ближнему. Она обусловлена сознанием братства всех людей как детей единого Бога. Такое признание нашло выражение в проповеди Иисуса Христа о «блаженствах», доминирующая черта которых – полное духовное смирение и самоуничтожение в отличие от эгоизма и самовозношения древности.

Братство людей «сродни» категории соборности. Считая категорию соборности одним из проявлений русской ментальности, В.В. Колесов понимает ее как «органически внутреннее единение людей на основе свободно осознанного качественного отношения («любви») по общности духа» [Колесов 1999: 135].

Духовное единение базируется на идее совести, которая – в свою очередь – через идею Бога единит всех людей, знаменуя их стремление «пропустить» воспринимаемое через себя. Это и порождает чувство соборности (духовной солидарности), определяющее «моральную ориентацию русских».

Категория соборности, имплицитно определяющая единение людей по общности духа, – это качественно специфическое проявление русской ментальности, отличающее ее от англо-американских и японских культурных норм. Прежде всего, данной категории свойственна гибкость – свобода выбора, но такая, которая базируется не на чести, а на совести. Такой выбор, видимо, имеет в виду диакон Андрей Кураев. Говоря об основах православной культуры, он пишет: «Пушкинист не обязан во всем соглашаться с Александром Сергеевичем, но любить и стараться понять Пушкина он обязан. Кстати, именно в таком отношении к Пушкину (или к Есенину) находится русский православный филолог. Не любить их нельзя. Понять – надо. Соглашаться во всем и со всем – невозможно» [Диакон Андрей Кураев 2003: 19].

На идее совести основано не только русское право выбора. Идея совести предполагает и откровенность, то есть правду (не ложь). Поэтому русским культурным правилам не свойственны (или мало свойственны) «сценарии говорения», включающие коммуникативные ситуации вербального (внешнего) согласия, когда человек говорит одно, а думает и, главное, чувствует другое. Приоритетной доминантой православной морали является такое согласие, которое *согласуется* с совестью. «Величайшее заблуждение полагать, – пишет В.В. Колесов, – будто русского человека можно в чем-то убедить «словесно»: при покушении на свою личную «волю» он упрям, поскольку не пропущенное через его собственную «совесть» знание, любое знание, признается им навязанным и чуждым ему. Прежде чем стать его знанием, оно должно быть *со-знание* в ореоле *со-вести*» [Колесов 1999: 130].

Итак, с учетом отмеченных особенностей русской ментальности предлагаем такое (самое общее) толкование частиц типа **Не правда ли? Не так ли? Так ведь? Правда?** на ЕСМ:

- (а) я знаю: вы можете сказать, что вы не сказали бы то же самое;
- (б) я хочу, чтобы вы сказали, сказали ли бы вы то же самое;
- (в) я думаю, вы сказали бы то же самое, думая и чувствуя то же самое.

Summary

A.Ju. Chernysheva. The ideas of Baudouin de Courtenay in the study of the intercultural communication.

The article «The ideas of Baudouin de Courtenay in the study of the intercultural communication» by Chernyshova deals with the ideas of Baudouin de Courtenay about communicative human activity. These ideas are also developed in the researches of modern scientists. The main aspects of Baudouin de Courtenay's studies are the following: the understanding of the language as the means of the words' meanings transmission, the search for the common international language in order to describe and compare all the languages and cultures, the interest to the world outlook, the study of the living languages, the world outlook's influence on the meaning of the lexical units.

Литература

1. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. – М., 1963. – Т. 1–2.
2. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999а.
3. *Вежбицкая А.* «Культурно-обусловленные сценарии»: новый подход к изучению межкультурной коммуникации // *Жанры речи: сб. научн. ст.* – Саратов, 1999б.
4. *Диакон Андрей Кураев.* Основы православной культуры как лекарство от экстремизма. – М., 2003.
5. *Колесов В.В.* Жизнь происходит от слова... – СПб., 1999.
6. *Чернышева А.Ю.* Русское приглашение к согласию // *Русский язык и культура (изучение и преподавание).* – М.: ЭКОН, 2000.
7. *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.

Поступила в редакцию
16.02.05

Чернышева Алевтина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.